

Ирина
Гуманова

БЕГ ПО ВРЕМЕНИ

Ирина Туманова

Бег по времени

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Туманова И.

Бег по времени / И. Туманова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Девушка Женя получает в подарок от любимого мужчины волшебные часы, которые случайно переносят ее на много лет назад, где она перемещается в тело скромной барышни Насти из 19 века. Женя-Настя оказывается одна на парусном судне, которое осталось без команды. Загадку исчезновения команды она решает всё время одиночного плавания, когда она и жертва стихии, и отважный капитан, и дерзкая мечтательница о страстной любви к красивому пирату. За время плавания были шторм, жажда, «Летучий голландец», морские призраки и встреча с настоящими пиратами, главарем которых был красивый и смуглый пират из нескромной девичьей мечты. Было тяжелое прощание с парусником «Анастасия» и переселение на пиратский бриг, где Настя то ли пленная, то ли новый канонир, то ли подруга молодого капитана. Команда брига недовольна – женщина на корабле к беде. И действительно, лихой бриг как подменили: шторм у мыса Горн забросил его в зыбучие воды «Бермудского треугольник», где голос моря свел с ума и эту бесстрашную команду головорезов, не боящихся ни чертей, ни призраков. Остались живыми только Настя и капитан, которые прятались в каюте от бунта взбесившейся команды. Капитан «Черной акулы» очень похож на любимого мужчину Евгении. Между ними странные отношения: смесь ненависти, любви, страсти и недоверия. Любовь борется за свою жизнь и побеждает на острове, похожем на рай, куда Настя и Алексей попадают после долгого и опасного путешествия по волнам Атлантического океана. На острове, похожем на рай для влюбленных, где есть романтические закаты, жаркие ночи, купание в соленом океане, пропитанном любовью и страстью двух молодых островитян, родилась и окрепла их любовь и маленькая дочь. На райском острове любовь вырвалась на свободу, она кружилась над влюбленными белой птицей, укрывая от бед, согревая волнующим теплом, обжигая сексуальным огнем. До тех пор пока не проснулся вулкан, спавший на острове много лет... Во время извержения вулкана Настя-Женя вспоминает

про волшебные часы и покидает остров вместе с Алексеем, возвращаясь в наши дни.

© Туманова И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Ирина Туманова

Бег по времени

Мирная, приторно-сладкая нега нависла над сонным городом. Утомленное небо выгорело за лето и теперь лишь тускло голубело. Деревья сорили желтыми листьями, а ветер гонял их, неприкаянных, с места на место, не давая покоя, не давая пристанища. Он тихо шуршал осенней листвой. Ему отчего-то было грустно... Осенняя тоска подкатывала тихо, незаметно, брала за горло нежных барышень и впечатлительных поэтов, заставляя вздыхать глубоко и парить высоко, в мечтах, в рифмах, в облаках...

А где-то там, далеко, за грядой серых многоэтажек скрывалась дорога, волшебная и сиротливая. Напрасно звала она людей идти за призрачную нитку горизонта. Напрасно манила нехожеными тропами, чудесными дорогами, тенистыми лесами и топкими болотами. Напрасно обещала дать ощущения. Хорошие или плохие... Высокие или чуть пониже... Но расшевелить, растревожить, разогреть остывшую кровь, разогнать тину в спящем озере чувств, снять черные очки с уставших глаз и очаровать закатами, прекрасными, неповторимыми, которые рисует вечер для чьих-то изумленных глаз. Напрасно манила звездным небом, глубоким морем, заоблачными далями, где воздух свежий, где дышится легко. Где можно на мгновение стать птицей, расправить крылья и сказать себе: «Лети!»

Напрасно манила волшебная дорога. Никто не шел по ней. Дела, работа, суета, погоня за достатком, за успехом и ежедневный бег за временем... И никаких чудес, которые таит в себе волшебная дорога богатого воображения.

Напрасно ждала чудесная дорога, безлюдная, тоскующая, одинокая... И только бродяга-ветер шел по ней, вороша мягкую, как пудра, серую пыль.

На электронном табло настенных часов 18:59. За окном наше время – 2003 год. Евгения берет в руки красивый медальон с изумрудными листьями и нежными, будто живыми розами. Внутри медальона есть непростые часики. Это подарок ее любимого археолога, смуглого красавца с пронзительно серыми глазами. Он только что вернулся из далекой экспедиции, где отбирал у времени давно зарытые клады. Вот и на этот раз он привез любимой Женечке нечто такое, что вызвало бурю восторга и нежный долгий поцелуй, как очередное признание в бесконечной любви.

Конечно, время на старых часах остановилось, они так долго пролежали в сырой земле, что видимо ходить уже не смогут. Или смогут? Евгения сейчас проверит, на что способны подарки Времени. Она подводит волшебные часики с точностью до минуты...

На красивом циферблате волшебных часов – 18:59. Часы пошли, пласты времени начали смещаться, двигаться, как пласты земли во время сильного землетрясения. И вот уже туман застилает глаза, туман застилает разум, и всё плывёт и движется во времени, увлекая Женю в свой необычный бег.

Металлический голос хрипел заржавевшими связками:

«Век – часы, минуты – год,
Дух в чужую плоть войдет»

Голос вещал в пустоту, потому что слушателей в комнате уже не было. На полу, неаккуратно разбросав руки и ноги, лежала Женя, которая неосторожно привела в действие волшебный механизм часов.

Скрежетание часового механизма прекратилось. Женькино тело лежало без признаков жизни, а душа ее улетела далеко-далеко. Минут пять в комнате стояла напряженная тишина, как будто все звуки жизни выключил суровый повелитель времени.

И снова заработали механические жернова, перемалывая минуты, часы, года...

На бесчувственное тело напал таинственный туман. Он появлялся ниоткуда, клубясь, стелился по полу синеватым облаком, медленно пожирая неподвижную пустую оболочку.

Когда дым развеялся – тела в комнате не было. Металлический голос не шутил, обещая заселить дух в чужую плоть. Он вообще никогда не шутил. Он был суров и непреклонен.

Вначале «Настя» приняла легкую качку за головокружение, но тихий плеск воды где-то совсем рядом убеждал, что голова тут не причем, хотя раскалывалась она ужасно, мешая ориентироваться в темном пространстве. Пришлось Насте-Жене заняться обследованием пространства на ощупь. И скоро она с удивлением наткнулась на борт корабля!

– Эй, кто-нибудь! Зажгите свет! – крикнула Настя в темноту и пустоту.

«Они что, в прятки играют?! Или пьяные все?! Так же можно и за борт упасть», – возмущалась пассажирка, пока дожидалась хоть какой-то реакции на свое требование.

Реакции не последовало ни через 5 минут, ни через 10.

– Эй, на судне! Ау! Караул! Пожар!

Её не услышали.

– Боже, ну и команда! Как меня угораздило попасть на это корыто?! Где вахтенный? Где рулевой? Я представляю, что тут за капитан!

Возмущенная Настя осторожно пошла в противоположную от борта сторону. Немного подсвечивали далекие звезды, а потом глаза привыкли к темноте, и Настя смогла живой и невредимой добраться до капитанской каюты.

– Ну, держитесь, милостивый государь! Я вам сейчас буду портить настроение, – честно предупредила полуночная визитерша и громко постучала в дверь.

Опять неприятная тишина. Настя барабанит уже кулаками, возмущенная местным беспорядком.

Дверь со скрипом открывается сама. Капитана на пороге нет. Не оказалась его и в постели, которая, несмотря на царивший на судне беспорядок, была аккуратно застелена.

Опять на ощупь Настя нашла стол, на нем – лампу. Зажгла ее. Глаза долго привыкали к свету, девушка жмурилась, хлопала ресницами и понемногу осваивалась в смутно знакомой обстановке.

На столе, рядом с лампой, в золоченой рамке фотография улыбающейся Анастасии... Минуты две Настя довольно тупо разглядывала девушку с такими же, как у неё длинными, светло-русыми волосами, уложенными в красивую прическу невесты. Сейчас, правда, Настя выглядела не так аккуратно – посмотрев на себя в зеркало, она увидела здоровенную шишку на лбу, светлое платье в каких-то пятнах непонятного происхождения, а на голове бесформенная копна сена с заметным сдвигом вправо.

Настя поднимает руку, чтобы придать «копне» правильное положение, строго по центру, но вскрикивает от боли – плечо как будто проткнули раскаленным гвоздем. «Вот здорово! Неужели сломала?!» Настя отвлеклась от фотографии красивой невесты и начала ворошить в

памяти совсем недалекое прошлое. Вначале в больной голове было настолько пусто и гулко, что Настя даже испугалась. Потом мало-помалу начала приоткрываться потайная дверца, через которую потекла тонкая струйка самой необходимой информации.

– Я пошла в кладовку... зачем? Ага, вот новость, так новость! Как я могла забыть?! Владимир, капитан корабля – мой муж! Так вот кто отвечает за порядок на судне! Ну, это невероятно! Хотя сейчас не об этом... И зачем же я пошла в кладовую? Ах, да, вспомнила – мы с Владимиром хотели отметить годовщину знакомства. Мы были в каюте... Потом пришел помощник капитана, позвал Владимира зачем-то на мостик... А я пошла за шампанским... Помню – был теплый, ясный день... Ура, вспомнила! Ступенька подломила, я упала, – Настя обрадовалась этому воспоминанию как дитя новой игрушке. – Теперь все ясно – вот вам и шишка, вот вам и боль в плече, и кособокая прическа... А потом, а потом... что было потом? Я очнулась на полу... и меня, кажется, жутко тошнило. Да, точно – вот вам и пятна на платье... фи... Потом я кое-как вылезла на палубу и – голову за борт. Кажется, тогда уже начинало темнеть, во всяком случае, я не помню, чтобы вода блестела от солнца. Хотя мне было так плохо, что я почти не открывала глаз. А дальше все, хоть убейте, ничего не помню...

Но и этого было достаточно для того, чтобы заполнить голову необходимыми сведениями. Теперь оставалось только разыскать шутника-Владимира и устроить ему небольшой семейный скандалчик, дабы отбить всякое желание устраивать подобные розыгрыши в ближайшие лет сто.

Прихватив с собой чадающую лампу, Настя отправилась на поиски глупого мужа, который сидит сейчас где-нибудь в шкафу и тихонько давится от смеха. На груди у Насти болтался открытый медальон с часами. Вскользь посмотрев на время, она захлопнула крышку и спрятала медальон под платье.

– Какие семь часов? Не может быть. Врут часики, – решила Настя.

Она ежилась от неприятного холода на груди до тех пор, пока металл не нагрелся теплом ее тела. После этого Настя надолго забыла о медальоне с «врущими» часиками, показывающими точное время – 1859 год.

За дверью капитанской каюты было по-прежнему тихо и безлюдно. Один лишь ветер, резкий, просоленный разгуливал по палубе двухмачтовой «Анастасии», названной так в честь молодой жены капитана.

В офицерских каютах стояла такая же нежилая тишина и мрак. Уже слабо веря в свою версию о дурацкой шутке Владимира, Настя шла на корму.

Только один человек из всей команды никак не мог принимать участия в этом невинном, и до безобразия смешном розыгрыше. Не по причине особо трепетного отношения к хорошенькой жене капитана, а в силу сложившейся на корабле старой доброй традиции: хоть шторм, хоть драка – но возле штурвала должен быть человек.

Ещё издали услышала Настя противный скрип, от которого холодно стало спине и занемели ноги.

В рулевой рубке – сердце корабля, никого не было...

Легко и свободно крутилось колесо штурвала: поворот вправо, поворот влево, замрет ненадолго и снова поворот, под жуткое поскрипывание.

Настя смотрит на бестолковые вращения колеса с тихим ужасом, она боится закричать, нарушить зловещую тишину брошенного корабля. Сомнений больше не осталось – команда покинула судно по непонятной причине, и видимо, в такой спешке, что капитан забыл о молодой жене, которой всего лишь месяц назад клялся в любви и верности у алтаря.

– Не может быть... Этого не может быть... Когда я уходила из каюты, все было нормально. Ни шторма, ни земли... Он знал, что я пошла в кладовку, искать меня не надо... Но почему я осталась одна?! Почему меня бросили?!!

Настя не могла поверить в то, что её – восемнадцатилетнюю девушку, абсолютно незнакомую с принципами судовождения, команда бросила на произвол судьбы, отдала в распоряжение неуправляемого корабля и непредсказуемого, временами смертельно опасного океана.

В это нельзя было поверить! Но штурвал зловеще скрипел, заставляя верить в невозможное. Каждый его поворот мрачно убеждал: «Ты одна на корабле. Одна. Одна. Одна. Ты в полной моей власти. Власти. Власти. Власти. Видишь, как я легко играю твоей жизнью – верчу куда хочу. Могу на скалы тебя забросить, могу на мель. А хочешь, мы налетим на большой красивый корабль? Потопим его и сами успокоимся на дне... Но я могу и пожалеть тебя, прекрасная Анастасия, ты такая свежая, такая юная, ты, наверное, очень хочешь жить?»

Колесо замерло на месте, словно ожидая ответа от сухопутной тетки корабля. Девушка молчала, ее темно-синие, как штормовое море, глаза молили о пощаде.

Штурвал опять пришел в движение, и снова зловещий скрип: «А может быть я подарю тебе жизнь – и мы будем плавать с тобой вечно, пока ты не умрешь от старости. Но и потом твой призрак не покинет судно...»

Настя зажала рот ладонью – ей хотелось закричать от жутких обещаний скрипящего корабля. Она больше не могла слушать этот тихий погребальный скрип.

Лампа больше дымилась, чем давала свет, пламя судорожно подергивалось, бросая на стены зловещие тени. Настя вышла из пустой рубки и, больше не злясь на глупую шутку, осторожно, крадучись и всего боясь, отправилась в каюту капитана.

За спиной шаги. Скрип со всех сторон, еле уловимый, не громкий. Впереди мелькнуло что-то белое, огромное. Оно надувалось и хлопало крыльями.

– Это парус... это обыкновенный парус, – убеждала себя Настя. Но страх уже навязывал свою, ужасную версию: все призраки морей слетелись на заброшенный корабль за новой, свежей жертвой.

Настя ускорила шаг.

Огонь дрожал, тени отплясывали жуткие танцы – еще 5-10 минут и лампа погаснет, и вот тогда в наступившей темноте морские призраки сведут девушку с ума.

Возле каюты Настя остановилась, не решаясь войти в приветливо открытую дверь. «Я закрывала дверь. Я это точно помню», – утверждала она, всё путая от страха.

Но шаги приближаются, Настя в ужасе кричит тихонько: «А-а-а-а» и ныряет в пугающую неизвестность мрачной каюты. Глаза торопливо выхватывают из темноты стол, кровать, шкаф, пустые углы. И ничего ужасного, потустороннего. Скорее дверь на ключ и с ногами на кровать.

Укрывшись под теплым пледом, она все равно трясется от жуткого озноба. И ждет – вот сейчас откроется дверь и ворвется ОНО!!! Что-то невыносимо страшное и злобное...

За дверью тихое шуршание, кто-то трется и наваливается на дверь, не сильно, а как бы проверяя на прочность.

– Такого не бывает... Это все неправда, выдумка... Я не хочу! Я боюсь!!! Господи, не надо... – от страха у Насти перехватывает дыхание и ей кажется, что чьи-то холодные пальцы шевелят волосы на затылке...

До самого утра, до первых солнечных лучей Настя тяжело сходила с ума. И лишь когда забрезжил рассвет, ночные силы зла отступили, позволив наконец, измученной, непохожей на себя, Анастасии закрыть глаза.

Сон оборвался резко от добродушного лая за дверью. Спросонок Настя не понимает ничего: где она? кто лает на корабле? И может быть ночной ужас – всего лишь сон? Она быстро встает и выбегает из каюты. На встречу ей радостно семенит пес неизвестной породы. Причина её ночного «помешательства» энергично машет хвостом и выражает искреннюю радость от знакомства.

Некоторое время Настя пребывала в легком шоке. Удивление сменялось злостью на лохматого шутника, потом неловкостью за свое богатое воображение. А потом был глубокий вздох облегчения и выговор шутнику, для порядка:

– Что ж ты, морда собачья, ночью голос не подавал?! А? Почему ночью молчал и топал за мной потихоньку? Зачем в дверь ломился? Ну, как тебе не стыдно? Сошла бы я с ума от страха, кто бы тебя кормил? А? Эх ты, дурачок... Иди сюда, собака, – ласково манила Настя лохматого пассажира, тоже, как видно, оставленного в спешке.

Их радость была взаимной. Черный, с белыми пятнами пес приветствовал Настю бурно, не сдерживая восторга: вначале одним хвостом, но радость переполняла собачье сердце, и пес завилал всем туловищем, стараясь лизнуть нового друга в лицо.

– Ну, ну, возьми себя в руки. Первый раз видишь девушку и сразу лезешь целоваться. Что за манеры? Кто вас воспитывал?

Отсутствие породы указывало на то, что пса воспитывала улица.

– Откуда же ты взялся, матрос? Кажется, я тебя раньше не видела. Наверное, в трюме прятался?

Настя разговаривала с собакой как с человеком. Всего одна ночь одиночества привела к тому, что Настя почувствовала себя диким, бородатым Робинзоном Крузо, со стажем заточения на острове не менее ста лет.

Перво-наперво Настя решила полностью обследовать свой плавающий остров, хозяйкой которого она стала волею судьбы.

– Ну, что, пошли на разведку? Как звать-то тебя, чудо природы? – спросила она у ласковой псины, которая улыбалась ей почти по-человечески. – Раз молчишь – я тебе сама дам имя. Только, чур, откликаться.

Недолго думая, Настя нарекла черно-белого пса именем литературного героя – друга и помощника одичавшего Робинзона Крузо.

– И хотя сегодня далеко не пятница, но так уж сложилась наша с тобой судьба... Отныне ты – Пятница. Поздравляю с наречением.

С Пятницей стало легче жить на страшном корабле. Собака, разумеется, еще меньше Насти разбиралась в вопросах судоходства, и собеседник из неё был никакой, но Настя болтала за двоих, лишь бы нарушать гнетущую тишину опустевшего корабля.

Ветер старательно надувал паруса неуправляемой шхуны и гнал её наугад, может на скалы, может в тихую гавань.

А Настя и Пятница шли по палубе походкой подвыпивших матросов. Сегодня амплитуда вращения штурвала заметно увеличилась – парусник бросало из стороны в сторону. Смирившись за ночь с ужасной новостью, Настя уже не такими безумными глазами смотрела на лихие повороты колеса, старалась не слушать его зловеющий скрип. Она даже положила руки на штурвал и попыталась удержать его. Сначала штурвал вырывался, но осмелев, Настя применила силу и тот, который ночью запугивал её жутким скрипом, сдался и присмирел в руках несмелого рулевого.

Судно выправило ход. «Восемнадцатилетний капитан» вел корабль плавно и как будто уверено. Но только в неизвестном направлении. «Если увижу землю – уберу паруса и буду дрейфовать, пока меня не заметят. Или вплавь до берега. А если впереди корабль или скалы – поверну штурвал. Вот и вся наука, – бодрился новоиспеченный «морской волк».

Скоро устали руки от напряжения и надоело стоять на одном месте. Тогда Настя капитанским решением назначила помощника «рулевого»: два деревянных чурбака по обе стороны крепко держали штурвал в своих сучковатых лапах.

Довольная собой, Анастасия с головой уходит в безобидную детскую игру, под названием «кораблики». На брошенной шхуне появился игрушечный капитан, который быстро навел порядок в рулевой рубке. О плохом Настя старалась не думать, например, о том, кто будет

«впередсмотрящим» темной ночью, когда на палубе хозяйничают морские призраки; или о том, кто из них двоих – она или деревянные чурбаки будут обходить мели и подводные рифы? И, наконец, что будет с ней и с Пятницей, если в океане разыграется шторм? Но это пока в будущем. Близком или далеком. А может быть настолько далеко, что случится с ней ни в этом плавании...

Сейчас все выглядит довольно безмятежно: корабль скользит по ровной глади плавно, без прежних зигзагов и скачков, мирно поскрипывают снасти, совсем не страшно хлопают, надуваемые ветром, паруса. И стелется длинный пенистый след за кормой ее корабля...

Настя уже собиралась покинуть рубку, как её внимание привлек грязный клочок бумаги на полу. Она взяла его в руки и с трудом пыталась разобрать корявые буквы. Казалось, что человек выводил их через силу, непослушной, парализованной рукой: «Я ухожу... Бойтесь...»

И опять ночной ужас до костей пробрал онемевшую и напуганную Настю. Опять за спиной зашуршали, ожили страшные призраки. И как тогда ночью, захотелось кричать от невыносимого страха.

– Пятница! Пятница! Ко мне! – во весь голос заорала Настя. Ее сознание стремительно засасывает в жуткий водоворот ночных видений. Она зовет Пятницу дурным голосом, ищет повсюду, но пес, который мог бы прогнать страхи, облаять призраков, пропал. Пять минут назад он крутился возле рубки, и вот как только понадобилась трезвая собачья голова, не подверженная человеческим страхам – его не докричишься!

А Пятница, напуганный пронзительным криком нового друга, подумал, что на него сердятся за какую-нибудь выходку, и подался от рулевой рубки подальше, к камбузу поближе. Тем более там пахло, точнее, крепко воняло тухлой курицей. Голодный пес, не обращая внимания на странные крики, усердно царапал дверь, стараясь добраться до тушки и остановить процесс гниения.

– Ты почему не отзываешься?! – набросилась на него Настя, когда догадалась все-таки поискать собаку возле «хлебного» места.

Пес кинулся ей навстречу, как будто разлука с новой хозяйкой длилась годы. Он прыгал вокруг неё, вилял хвостом, внимательно заглядывал в глаза, в общем, просил прощения за все, что было, будет и за то, в чем он совсем не виноват.

Вместе с таким жизнерадостным псом Настя перестала бояться невидимых существ, бестелесных и зловещих. К тому же Пятница постоянно отвлекал её мысли от страшного, и всё внимание приковывал только к себе.

– Успокойся, ну хватит уже. Да перестань ты, вот ведь подхалим! – Настя, не выдержав напора собачьей любви, наклонилась к нему и позволила лизнуть себя два раза в нос. После таких «телячьих нежностей» бояться становилось все труднее и труднее, хотя мозг настойчиво сверлили два страшных слова.

– Пошли, я накормлю тебя чем-нибудь. А заодно потренирую на «отзывчивость», а то звала тебя, кричала, а ты даже ухом не ведешь.

Обстановка в камбузе говорила о том, что полным ходом шло приготовление к ужину. Вчерашнему. На остывшей плите в кастрюле плавает дурно пахнущий, недоваренный цыпленок. На столе очищенные увядшие овощи.

– Такое впечатление, что кок вышел на минуту и должен скоро вернуться... Но не вернулся. Ни он, ни другие. И ничего кроме короткой, жуткой записки... Что же случилось с ними за то время, пока я лежала без сознания в кладовке? И почему Владимир забыл обо мне? – снова и снова задавала Настя волнующие вопросы из прошлого.

«Забычивость» мужа её огорчала не сильно и совсем не долго. У Насти не успело зародиться в сердце ответного чувства. Их брак длился всего месяц. И этот месяц Настя не могла назвать «медовым» – так, что-то безвкусное, пресное, как бумага. И весь год их не очень близкого знакомства был такого же нейтрального вкуса. Остальные поклонники и соискатели руки

и сердца бесприданницы Анастасии имели вкус резко неприятный. А так как бесприданница была ко всему прочему и ещё круглой сиротой, которую воспитывала строгая тетушка, то Настя, после совершеннолетия, просто вынуждена была отдать Владимиру свою руку. Но не сердце.

За месяц супружества не возникло у Насти повода пожалеть о своем выборе. Правда, жила она как в сонном царстве – ни душа, ни тело «спящей красавицы» не реагировали на старания 26-летнего добродушного мужчины, не очень опытного в амурных делах. Через неделю тщетных попыток подобрать «ключик» к телу Анастасии, (про «душевный» ключик он не беспокоился, самонадеянно полагая, что тот у него в кармане) Володя легко убедил себя в том, что все порядочные девушки во время близости с мужчиной должны лежать тихо, без движений, как будто все происходящее их совершенно не касается. «Это просто замечательно, что моя Настенька такая чистая и невинная», – от души порадовался он фригидности молодой жены.

Отец Владимира был богатым судовладельцем, баловал сыночка всячески, потворствовал всем его прихотям, но мальчик, не смотря на все старания папаши, не превратился в эгоиста. Он рос тихим, застенчивым медвежонком, толстым и безобидным, живущем в своем придуманном мире. Володя с детства мечтал о дальних странах, о бескрайних морях, о зарытых кладках и красивых кораблях. Когда Володя подрос, окреп и относительно созрел в его мечты с приключенческим уклоном стали врываться очаровательные, белокурые гости: маленькие, тоненькие, с большими голубыми глазами.

К 25-ти годам мечты Володи частично воплотились в жизнь, отец подарил ему 2-х мачтовую шхуну «Св. Елена», которая впоследствии будет переименована в «Анастасию», не святую, но очень любимую. А пока молодой капитан, влюбленный исключительно в море, бороздил «голубые просторы». Мечты о путешествиях, далеких неизведанных странах и о голубоглазой блондинке не мешали заниматься Владимиру вполне земными вещами: доставлять грузы по назначению, управлять судном и командой, спорить со штормами.

А вскоре появилась и девушка с почти белыми волосами и пронзительно голубыми, небесными глазами. Володя сразу же потерялся в них и, растолкав не очень достойных соперников, женился на своей мечте.

«Почему он бросил меня одну? Почему нет даже записки? Нет ничего, кроме этого клочка, предназначавшегося даже не мне, а видимо, команде в целом», – пыталась решить Настя неразрешимую задачу.

Потом она вспоминала, как их провожали в порту, как плакала неслезливая тетушка, целуя Настю в лоб; как спрашивала её тихонько, не обижает ли супруг? Насте стало невыносимо тоскливо и одиноко посреди голубого простора, бескрайнего и пустынного. Стало жалко себя, Володю и даже тетушку, за то, что думала о ней не очень хорошо. «А ведь она не отказалась от меня, хотя у неё свои дочери. Ну, была неласкова. Ну, была строга, так ведь я ей не родная, за что ж меня нежить?» И по каналам времени, по волнам воспоминаний Настя вернулась в тетушкину гостиную, куда на Настин свет летели богатые и бедные, молодые и старые, красивые и безобразные женихи. Куда, в конце концов, залетел Владимир.

Но где же он теперь, этот нестарый, богатый и совсем не безобразный муж? У Насти голова шла кругом от разных фантастических предположений.

Володя, влюбленный в море, старался и Насте привить хоть какую-то симпатию к неизведанному, загадочному и удивительно прекрасному водному миру. Он мог часами рассказывать о тайнах морей и сверхъестественных явлениях, о коварстве и жестокости, о бесконечной

красоте океана. Сейчас все его рассказы слились в одну страшную, непонятную кашу, которая тяжело варилась в уставшей голове. И чем дольше она варилась, тем сильнее разваривалась в нечто бесформенное и ужасное: неведомая сила поглотила и утянула на дно 10 человек команды вместе с капитаном, не повредив при этом корабля и не оставив никаких следов. Во всяком случае, Настя не нашла ничего нового, кроме той жуткой записки-предупреждения. В кубрике тоже не было следов спешки, насилия или намека на матросский бунт.

Методично обходя все помещения, заглядывая в кладовки, трюм, каюты, Настя так и не нашла ответа на самый волнующий вопрос. Зато с превеликой радостью выяснила, что голодная смерть ей не грозит, даже если они с Пятницей будут трапезничать 6 раз в день. Запасов воды, рассчитанных на 12 человек, им двоим хватит на много лет одиночного плавания. Кроме того, в трюме находился аппетитный груз – консервированные фрукты; и менее аппетитный, зато здорово расслабляющий – ром и коньячный спирт. Как могли матросы оставить нетронутыми такие залежи удовольствия, было совершенно непонятно. Видимо, ожили те чудища из морских легенд, о которых даже самые отчаянные и бывалые морские волки говорили свистящим полупшепотом.

«Ну, не может быть, чтобы Володя не оставил мне даже строчки, хотя бы слова! Он вроде бы меня любил... Однако же, я и чей-то беспородный пес брошены на судне на произвол судьбы!»

Тут Настя вспомнила, что еще не обследовала капитанскую каюту при дневном свете и не помутненном сознании. Вот сейчас-то она обязательно найдет записку от Владимира, в которой будет объяснение этому необъяснимому поступку! Торопливым шагом идет она к месту своей беспокойной ночевки. При дневном свете все выглядит совсем не страшно: светлая комфортабельная каюта, обшитая панелями из дуба, с удобными кушетками, с мягким креслом и дорогим брюссельским ковром никак не напоминали ночную «пещеру ужасов». На столе все так же улыбается невеста, рядом лежит стопка журналов и книги по судоходству. Открытый судовой журнал, последняя запись...

– Градусы, секунды, широта, долгота, – ничего не понимая, бормотала Настя. – Все нормально. И главное, все понятно... градусы, секунды... Я, наверное, должна понимать. Но я ничего не понимаю... Где записка для меня?!

Настя хлопает журналом об стол, потом еще раз и ещё. Потом падает в кресло и сразу же начинает впадать в отчаяние. Непонятные загадки, напрямую касающиеся её жизни, пугали её немногим меньше, чем ночные призраки.

Внезапно Настя вскочила с кресла и побежала из каюты. Она торопилась на палубу, к борту корабля. Сейчас уж точно всё станет очевидным. Сейчас она получит хоть один ответ!

Опасно перегнувшись через фальшборт, Настя смотрит вправо, влево. И стонет он невозможности разгадать страшную загадку: все шлюпки на месте! А это значит, что команда не спасалась на шлюпках с тонущего (?) корабля. Это значит – её попросту больше нет... Теперь Настя знала об этом наверняка. Блуждала ещё ненавязчивая версия о пиратах, захвативших команду в плен. Но была она настолько несостоятельна, что Настя, далеко не знаток пиратских обычаев, быстро её отвергла. Что же это за пираты такие забавные, которые не забрали достаточно ценный груз? А вместо рома, спирта и прочих полезных товаров зачем-то взяли в плен команду из 11 довольно мирных человек, которые вряд ли, при всем их желании, смогут стать головорезами и верными помощниками пиратов. Выкуп же за 10 полунищих матросов не покроет расходов на их содержание. Можно было, конечно, разжиться за счет Владимира и его обеспеченного отца, но эта афера, кроме денег, могла принести большие неприятности. К чему рисковать, когда можно набрать спирту и рому и залить это всё в пиратскую глотку. И что удивительно, захват пленников происходил, видимо, по всем правилам светского этикета, только через «будьте любезны» и «не затруднит ли вас». Потому что следов несогласия, борьбы и насилия Настя так и не обнаружила.

Возле камбуза валялся сытый и довольный Пятница. Его не волновали Настины загадки.

«Эх, поменяться бы мне с ним местами: я валяюсь на палубе, не думая ни о чем, не боясь приближающейся ночи, земли или корабля. А Пятница рыскает по судну, ищет разгадку, всего боится и думает, как бы нам дожить до старости без мучений и лишений».

За первый день неуправляемого плавания Настя нашла «рулевого» и научилась готовить пудинг. Таков был положительный итог дня. Все остальное в графе «минус».

Ближе к вечеру Настя поняла, что не сможет не только бросить якорь на ночь, для того, чтобы избежать столкновения с землей или с кораблем, но она бессильна даже уложить волосы в прическу – правая рука отзывалась болью на любую физическую нагрузку. «Ну, что ж, если ночью налечу на скалы, по крайней мере, умру незаметно, во сне», – смирилась беспомощная пассажирка-капитан.

К приближающейся ночи Настя готовилась основательно. Наученная страшным опытом предыдущей ночевки, она запаслась бутылкой рома для спасения от «морских призраков». Для этой же цели в каюту капитана был допущен Пятница, здоровый циник и реалист, не верящий в человеческие страшилки и морские байки о невидимых чудовищах.

Напряженно подкрадывалась ночь. И чем больше Настя прислушивалась к тишине пустого судна, тем громче и страшней звучали шаги и вздохи под дверью, как будто те, кто прятались днем по темным углам, куда не мог проникнуть солнечный луч, с наступлением ночи смело выползали из своих нор. Их всех манил запах свежей человеческой плоти, до которой они не смогли добраться прошлой ночью. Но сейчас уже, казалось, ни что не спасет бедную Настю.

А пес мирно посапывал возле двери и видел во сне приятное: сначала косточку, крепкую, сахарную, потом новую хозяйку, такую ласковую и добрую, не в пример прежнему хозяину, который мог и словом грубым, матросским «приласкать» и сапогом «погладить». Вот если бы Пятница не спал, скалил зубы и дыбил шерсть – тогда на Настю обязательно накатило бы вчерашнее безумие. Но когда собака – вполне живое и разумное существо, спокойно спит и видит сны – сходить с ума от страха было как-то неудобно.

Следующим этапом борьбы с ночными кошмарами являлось легкое алкогольное опьянение, которое добавляет смелости и бесшабашности, но ещё далеко от того, чтобы мутить разум.

Скоро нетрадиционное «лекарство» подействовало, Настя вдруг перестала бояться и даже позволила себе дерзкий вызов:

– Эй, ну кто там шуршит?! Заходи, драться будем!

Вызов остался без ответа, и тогда Настя совсем осмелела – нервно хихикнула, закрыла глаза и приготовилась спать, как ни в чем не бывало. Полчаса она претворялась, что спит, а на 31-ой минуте уснула по-настоящему. Сон, конечно, был прерывистым, поверхностным и беспокойным, но первая победа над ночными силами зла дорогого стоила.

Проснулась Настя, когда уже всюю правили добрые силы. Свет разогнал всю нечисть по углам, до следующей ночи, которая будет не страшнее этой.

– Ну, так ещё жить можно, – радовалась Настя первой победе, солнцу и тому, что ещё жива она, одноименная шхуна и верный Пятница.

Палубу заливали ослепительные солнечные лучи. Желтый шар плыл по нежно-голубым небесным волнам, даря тепло, свет и надежду. Настя потягивалась довольной кошкой. Утро казалось ей удивительно прекрасным, желто-синие тона радовали глаз, и море искрилось как самая красивая мечта.

Настя вдруг поняла, что в первый раз за всю жизнь осталась одна: не смотрело на неё суровое тетушкино око, не было рядом Владимира, который с первых же дней совместной жизни вплотную приступил к воспитанию молодой жены. Воспитывал ненавязчиво, но упорно и постоянно. И вот Настя неожиданно получила свободу, и, забыв разом все наказания и настав-

ления, начала наслаждаться свободой с жадностью и тихим блаженством, без оглядки на старших и положительных.

Позавтракала Настя там, где захотела. А захотела она, сидя на палубе, прислонившись спиной к мачте и легкомысленно вертя головой по сторонам. Над головой хлопали белыми крыльями птицы-паруса, корабль летел в неизвестность, и было удивительно легко и сказочно... и почему-то хотелось мечтать о любви.

Солнце поднималось к зениту и начинало припекать, но Настя не хотела покидать волшебное место, где она в первый раз мечтала о любви. Ей хотелось мечтать до бесконечности, до тех пор, пока не появится он – сильный, знойный, дерзкий, так не похожий на Владимира, так не похожий на всех мужчин, которых она видела в тетушкиной гостиной. От горячей мечты и от полуденного солнца кожа становилась влажной, сладкая истома нежила грудь и что-то незнакомое, остро-приятное зашевелилось в животе. А потом, набирая силу, поползло вниз... И Настя, свободная и сильная как океанская волна, легко рушит каменные глыбы моральных табу, не пускающих её на берег запретных удовольствий. Она наслаждается свободой дико, не стыдясь своего тела, не стыдясь способа получения наслаждения. Она задирает подол горячего платья и впервые изучает свое тело дрожащими от возбуждения руками. Её пальчики шли по невидимому следу к самой чувствительной точке. Нашли её и скоро подарили Насте первый в её жизни оргазм. И освободили от ложного стыда перед своим вызывающе-красивым обнаженным телом.

Девушка лежала на открытой палубе большого корабля, внутри огромного водного мира в очень откровенной и незащитной позе и тихо стонала от наслаждения, забыв об одиночестве, опасности, об ужасах ночи.

А потом она грелась под жарким солнцем, нежилась и плавилась и снова наслаждалась. И теряла силы от наслаждения. И радовалась чудесному открытию.

А потом вернулось ожидание мечты. Насте казалось, что она на всех парусах летит к запретному, дикому, эротическому острову. Её тянуло в объятия красивого и смуглого островитянина. А кровь кипела и снова нагнетала жар и остро-сладкое нытье там, где соединяются стройные ноги...

– Хочу дождя! Хочу дождя! – кричала Настя в чистое небо, сгорая от солнца и от разбухшей чувственности.

На небе не облачка, не малейшего намека на дождь. Но Настя продолжает наслаждаться свободой и отсутствием запретов. Теперь она будет делать всё, что захочет, пусть даже ей захочется стоять под «рукотворным» дождем из запасов пресной воды.

Ей надоело горячее, влажное платье и она, не раздумывая, снимает его, отдав голое тело в объятия ветра, теплого и прохладного одновременно: там, где кожа намочла от пота – он словно лижет холодным языком, а где все сохнет и горит – сильнее раздувает пламя.

Не жалея воды, Настя поливает свое крепкое, молодое тело, впервые увидавшее солнце, небо, море. Его в первый раз ласкает ветер, бесстыдно прикасаясь ко всему, что раньше пряталось под одеждой. «Реки» теплой воды бегут по лицу, Настя жмурится от удовольствия, а вода продолжает свой путь по телу. Струя медленно течет по груди, упирается в нежную преграду, а потом, разделившись на две маленькие «речки», обходит розовый сосок и стекает на живот, отчего Настя каждый раз вздрагивает и замирает в ожидании нового чудесного открытия. Она распускает длинные волосы, и золотые нити растекаются по спине. По ним, блестя на солнце, бегут извилистые ручьи драгоценной воды и образуют на палубе пресные озера.

Попутный ветер надувает паруса, нос корабля врежется в волну и выбивает из неё песчинки мелких брызг. Они искрятся, переливаются на солнце тысячами маленьких радуг под чистым небом, с которого давно не падало ни капли дождевой воды.

Зато «рукотворный» дождь на палубе все лил и лил, рождая свои маленькие искусственные радуги.

Неясное белое пятно уже давно маячило на горизонте, но Настя, занятая эротическими омовениями, не замечала его до тех пор, пока «пятно» не вошло в зону её бокового зрения. А когда вошло – купальщица забыла про сказку о чудесном острове наслаждений, забыла о свободе, о красоте своего обнаженного тела, и о том, как хорошо ей мечталось о любви под ритмичное хлопанье крыльев-парусов. Она забыла обо всем, кроме одного – надо прикрыть своё голое тело. Ей, наконец-то, предстояла встреча с людьми! Ей надо вновь заковывать тело в броню морали и стыда.

Трехмачтовый фрегат белым лебедем проплывал по линии горизонта.

– Ну, вот и все, прощай мечта, – с большой долей грусти прошептала возбужденная свободой. Но другая часть Насти, трезвая и реалистичная бросилась к борту корабля и заорала во всю глотку. – Эй! Помогите! Сюда! Сюда!

Настя махала рукой, не забывая другой придерживать платье на груди. Она не стала натягивать влажное платье на мокрое тело, теряя минуты, от которых зависела ее жизнь. Не переставая сигналить рукой и кричать до хрипоты, Настя замечает, что расстояние между кораблями не уменьшается. А как бы даже наоборот...

Не нужен больше красивый остров с призрачной мечтой и эротическими удовольствиями, а нужен туманный Петербург, с сухой тетушкой, с нравоучениями, запретами, этикетом. Нужен город, где под ногами твердая земля, а не эта зыбкая субстанция, готовая в любую минуту поглотить самый большой корабль вместе с капитаном и его командой. Неуправляемая, средних размеров шхуна «Анастасия» могла надеяться только на чудо, которое вряд ли будет длиться долго. Сейчас Настя понимала, что шансов одной добраться до земли у неё абсолютно нет. И если этот далекий парусник не сменит курс, то до второго корабля она, скорее всего, не доживет.

Но кричать бесполезно – её не слышат. И, возможно, даже не видят ее отчаянных жестикующий. Тогда Настя бежит на бак и со всей силы бьет в судовой колокол, с явным желанием разбить его или хотя бы достучаться до последней надежды. Но фрегат понемногу таял и таял, не видя и не слыша. А может он просто не желал менять курс и тратить время. У капитана фрегата могли быть свои планы, в которые не входила перемена курса.

Тогда Настя сама пошла ему на встречу.

– Ничего, мы не гордые, мы-то можем поменять курс. Нам, всё равно куда плыть, – цедил сквозь зубы юный «капитан», выбивая чурбаки, держащие штурвал, а потом резко, неумело, переложил руль вправо. – Справа по борту судно! Приказываю догнать или... или нам всем крышка! – взбадривала себя Настя грубым, командирским тоном.

«Анастасия» вздрогнула от удивления, а ещё больше от возмущения – виданное ли дело – девчонка управляет?! Корабль опасно накренился, замер в нелепой позе, но все же решил не тонуть, а послушаться неумелого покорителя морей и попытаться догнать быстроходный фрегат.

Примерно через полчаса погони стало ясно, что неповоротливой торгово-грузовой «Анастасии» не стоит тягаться с военным кораблем и его командой. Когда фрегат, а с ним и надежда на спасение растаяли как утренний туман, Настя грубо, по-матросски выругалась и села, точнее, рухнула на пол. К горлу подкатил комок из злых, отчаянных слез. Настя героически боролась с истерикой, но и тут проиграла поединок. Плакала она не громко, зато очень жалобно, подвывая по-собачьи. Скоро на плач прибежал Пятница и попытался по-своему успокоить ревущую хозяйку. Он присел напротив, нацелив на неё печальный всёпонимающий взгляд. И хотя, он сидел тихо, без движений, Настю постепенно начало отвлекать немое сочувствие умной собаки.

– Ну, что ты смотришь? Уставился... Тебе хорошо, ты ничего не понимаешь. Или на меня надеешься? Думаешь, я старый моряк и мне корабль в порт привезти – раз плюнуть?! Так я тебя разочарую, мой лохматый друг, на меня не надейся – я в этом деле ноль, полнейший...

Штурвал, обрета свободу, мотался из стороны в сторону. А вместе с ним кружились в пьяном танце корабль, Пятница и Настя. Хаотичные движения по-своему отвлекали Настю от истерики и не давали сосредоточиться на горе. Каждый новый зигзаг приближал начало морской болезни, и когда она была уже на пороге, Настя взяла себя в руки, отложив истерику до лучших времен, утерла слезы, закусил губы, встала решительно и снова заклинила штурвал деревянными чурками. Корабль, повинаясь заплаканному капитану и деревянному рулевому, сразу успокоился, пошел вперед ровно, без отклонений, лихо врезаясь носом в океанскую волну. На судне снова появился командир. Пятница радостно приветствовал возвращение Насти к своим обязанностям и очень навязчиво намекал на то, что уже давно пора чем-нибудь подкрепиться, во всяком случае, ему.

Мятое и мокрое платье валялось на полу. Надевать его было противно, не надевать – стыдно. Уже стыдно. Пролетевший на горизонте лебедь-фрегат спугнул мечту, заставил отказаться от эротического острова и всех запретных удовольствий, пообещав за это вернуть Настю к прежней жизни. Пообещал, да обманул. Разочарование от обмана было настолько велико, что Настя не могла больше мечтать и получать удовольствие от себя, от жизни, от свободы. Недавнее открытие (сделанное не без помощи искушенной Женьки) теперь вызывало чувство неловкости и удивления. Морской антураж потерял былую красоту и романтичность, теперь от него веяло угрозой и страшной силой, которая в назначенный час вырвется из черных глубин, ломая и топя красивые корабли, безжалостно напоминая человеку, что он всего лишь гость, не прощенный, ничтожный, слабый и сухопутный.

С недоброй ухмылкой Настя перебирала свой гардероб: от ярких цветов рябило в глазах – хотелось нравиться мужу, вызывать восхищение окружающих, хотелось нравиться в первую очередь себе, меняя наряды по три раза в день. Иначе как отличить празднование медового месяца от всех последующих дней? И кому нужны теперь эти красивые наряды?

– Не подошли. Лишний груз...

Она рассеянно перебирала нарядные платья, ища что-нибудь более подходящее к случаю. В «тему» нашлось только одно, бледно-бледно зеленое, в нежный цветочек, этакая слабая надежда увидеть когда-нибудь настоящие цветы.

Красивое тело снова спрятано под одежду, затянута стыдом, задавлено восстановленными плитами всяческих табу. Дикий остров запретных желаний решено затопить – дабы не смущал и не вводил в искушение.

Ненавязчивый лохматый друг вертелся под ногами и продолжал заглядывать в глаза с почти человеческим участием.

– Ты бы хоть говорить научился, одни мы с тобой тут и, похоже, надолго... Если повезет – плавать будем долго... Тогда, скорее всего, я научусь лаять, – невесело пошутила Настя. – А, скорее всего, не повезет. Первый шторм – наш, – ещё печальнее закончила она и пошла в камбуз кормить друга, собеседника и просто хорошего пса.

С кормлением очень скоро было покончено. Друг, сытый и довольный пошел искать тень, где можно было подремать со вкусом. Настя осталась одна и вспомнила, что давно хочет есть. Прихватив с собой печенье, орехи, яблоки и горсть изюма, она тоже отправилась в поисках тени.

Высоко в синем небе плавился желтый диск, пронизывая раскаленными лучами воздух, нагревая океан, обжигая парусник и его пассажиров. Сонная нега царила на покинутом корабле, тишина и покой усыпляли тревогу. Казалось, в этом ласковом голубом раздолье не может случиться никакой беды, здесь будет вечная нега, покой и тишина.

Место в тени быстро нашлось – на корме, возле рулевой рубки. Там уже отдыхал разомлевший Пятница. Настя пристроилась рядом, прямо на палубе, оперлась спиной о тонкую стенку и с удовольствием принялась за еду. Чопорная тетушка из Петербурга была бы трижды шокирована недостойным поведением своей воспитанницы: первый раз – шок от завтрака всу-

хомятку на полу; второй, пожалуй, самый убийственный от постыдных манипуляций с собственным телом; ну, а третий, пусть не такой сокрушительный, как предыдущий, но все равно выбивающий землю из-под ног – у девушки из высшего общества вошло в привычку принимать пищу на полу, как это делают животные. Для чопорной тетушки это было бы страшным потрясением. На ее счастье Настя раскрылась во всей «красе» далеко от ее придирчивых глаз. Пятница, лежащий возле ног Анастасии, тихо посапывал во сне, в животе его жалобно урчала съеденная курочка, политая желудочным соком. Для непородистого пса и бывшего беспризорника нынешняя жизнь казалась сном упоительным, сытым, мягким и пушистым.

Пообедав на палубе, столь некультурным образом, Настя стряхнула крошки с платья, довольно потянувшись и уже собиралась «опускаться» и дальше, следуя заразителному собачьему примеру, но передумала. На шхуне было одно место, куда Настю тянуло ещё раньше, с первых дней плавания, но присутствие матросов и вечный надзор Владимира не позволяли ей совершить маленькое романтическое безумие. Она пошла к тому месту, где встречались правый и левый борт, образуя острый нос корабля, который со свистом резал прозрачный воздух на две половины. Там, где рвалась воздушная «ткань», перехватывало дыхание от ветра, бешено колотилось сердце от дикого восторга. Стоило закрыть глаза – и ты птица, летящая над морем стремительно, свободно, без усилий. Но для этого не достаточно просто прийти на нос и посмотреть вдаль, надо перебороть страх и залезть на фальшборт, упершись коленями в планшир. И тогда наградой за смелость будет восхитительный полет!

Теперь никто не помешает Насте превратиться в свободную птицу: ни удивленные взгляды матросов, ни запрещающий окрик мужа, ни даже страх, который перестал беспокоить Настю по таким пустякам.

Ни сразу Настя насмелилась подняться над палубой. Синие глаза её блестели от возбуждения ярче солнечного моря, и руки тряслись от радости и страха. Она всё же набралась смелости и безрассудства, разулась, поставила правую ногу на нижний поручень правого борта, потом левую ногу на левый борт и осторожно выпрямилась, стараясь сохранить равновесие. Первые минуты еще зажимает страх, не допуская никаких других эмоций...

Но скоро Настя успокоилась, распрямила спину, раскинула руки в стороны, закрыла глаза и замерла от внезапного восторга, резкого, бешеного, неземного... Она полетела! Она парила над океаном свободно и легко. Она резала грудью небо на две половины! Ветер по-разбойничьи свистел в ушах, и за спиной вырастали крылья. А сердце Насти билось радостно от звенящего птичьего счастья, и останавливалось на мгновение, когда корабль падал с крутой волны в темно-синюю бездонную пропасть. Лицо обжигали соленые брызги, совсем близко плескался океан. Но вот проходят томительные секунды, и корабль птицей взлетает вверх к теплу, к небу, к солнцу! И снова Настя задыхается от безумного восторга.

Она «летала» до самого заката. Когда небо порозовело, Настя перестала быть «птицей». Она открыла глаза, опустила руки вдоль тела и превратилась в бушприт – продолжение корабля. Эта забава понравилась Насте ничуть ни меньше. Ветер все также бил в лицо, щеки задубели от соленых брызг, а сердце колотилось ещё сильнее, потому что Настя видела приближение волны. Потемневший гребень поднимает Анастасию вместе с кораблем, глаза у неё расширяются от дикой смеси страха, восторга, безумного упоения свободой и мощью корабля и океана. Замешанная на адреналине кровь кипит и брызжет. Но самое восхитительное впереди: корабль стремительно летит «с горы», вниз, в синюю бездну! И тут внезапно новая волна вырастает отвесной стеной. Настя кричит от жгучего адреналинового кайфа, она как в водяном ущелье, ещё секунда и судно врежется в океанскую «стену». Но неведомая сила в последний момент вырывает парусник из ущелья, он лишь царапнул концом бушприта по крутой волне. И снова на гребне! Он спасен... Не успевает Настя прийти в себя от этого погружения, а на неё уже летит следующая волна, обещая повторить безумно-восторженные ощущения.

И снова корабль и океан дарили Насте новые эмоции, она была впервые счастлива детским, беззаботным счастьем, причина которого: свобода, ветер, океан! А розовый свет заходящего дня придавал экстремальным гонкам налет особого романтического очарования.

Это был самый яркий и, пожалуй, самый счастливый день в жизни Анастасии. За один день она успела вырваться на волю из тесных рамок строгого воспитания в соответствии с правилами светского этикета. И в этот же день она недозволенным образом наслаждалась собой и жизнью. Она надеялась, что так будет всегда. Но праздник непослушания подходил к концу: ноги болели, ныли и это уже сильно портило настроение. Если бы не они – Настя, безусловно, резвилась всю ночь.

До каюты Анастасия еле добралась, с трудом передвигая занемевшие ноги.

– Кажется, ноги мне завтра не понадобятся. И это очень и очень жаль. Хотелось бы продолжить, пока волны позволяют с собой играть. Кто знает, сколько ещё океан будет терпеть меня посреди себя?

Ближе к ночи Настю опять начали посещать мрачные мысли, ей казалось, что именно в темноте, под звездным небом налетит она на скалу или на большой корабль, не успевший сманеврировать. И шторм должен разыгаться непременно этой ночью.

С трудом докричавшись до Пятницы, Настя стала готовиться к беспокойному сну. Неблагодарная псина сегодня почему-то не хотела оберегать хозяйский сон и норовила сбежать из душной каюты на свежий воздух. Пришлось загнать ее насильно, отругать, принять необходимую дозу «успокоительной микстуры» против ночных страхов и притвориться спящей.

Пятница царапался у двери, пытался и просился выйти. И Настя, не взирая на «микстуру», начала бояться – опасность где-то рядом, быть может за дверью. Или собачье чутье слышит беду издалека? Может быть за десятки миль отсюда бушует шторм, дыбятся страшные волны, сотрясая воздух и ждут беззащитный кораблик «Анастасия» с девушкой Настей и собакой Пятницей на борту?

Не разгоняет страхи даже двойная порция рома – Настя все также напряжена, испугана и сна нет ни в одном глазу. Она злится и снова открывает бутылку с истинно мужским напитком. Резким, не дамским движением опрокидывает рюмку, морщится, тихонько крикает, опять же, по-мужски, замечает себя в зеркале и не узнает: «Неужели это я пью ром?! Видел бы меня Владимир! О, нет, лучше не надо! Это зрелище не для слабонервных – тетюшку и Владимира прошу не впускать!» – от третьей рюмки Настя всё же начала расслабляться, пьяненько хихикать над впечатлительными родственниками и говорить вслух.

– А сами попробовали бы заночевать тут на трезвую голову! Во что бы вы к утру превратились? В дряблый овощ с большими глазами... вот и всё. А я буду лучше ром хлестать, как старый матрос, как пират даже, только бы не слышать этих шу-шу-шу за дверью!

Отсутствующим родственникам Настя могла говорить всё, что угодно – стерпят без возражений. Лично для себя хотелось более детального расследования очередного преступления против канонов светского воспитания. Ночные кошмары, безусловно, послужили толчком к поиску средств самоуспокоения. Но Настя не могла себе объяснить, почему ей, не пившей в жизни ничего крепче шампанского (и то раз пять, не больше) вдруг пришло в голову спастись от страхов с помощью довольно крепкого спиртного напитка, который уже в первый раз она опрокинула в себя вполне уверенным Женькиным движением.

Скоро успокоился Пятница, лег возле кровати и мирно засопел. Глядя на него, успокоилась и Настя, легла на подушку и тоже засопела. Где-то далеко, возможно, дыбились страшные волны, бушевал океан и ждал беззащитный кораблик, но пьяная девушка и собака спокойно спали и ничего не боялись.

Опять пришло утро. А за ним шел день, такой же безнадежный, как и предыдущий. Ноги у Насти болели так, что «полеты» на носу корабля пришлось отложить. Для рукотвор-

ного «дождя» вдруг стало жалко пресной воды, а «дикий остров желаний» стыдливая Настя затопила еще вчера. Весь день делать было нечего: заниматься рукоделием, прихваченным из дома, сейчас казалось в высшей степени глупо. Читать Настя не любила и раньше. Так, больше для важности взяла с собой в дорогу толстый дамский роман, от которого и прежде бросало в сон на пятом слове. А в нынешних, сильно изменившихся, условиях Настю ещё меньше трогали любовные коллизии выдуманных прекрасных дам и их, не менее прекрасных кавалеров. Оставалось два занятия: печально смотреть вдаль и принимать пищу в местах совершенно не приспособленных для этого. В столовую Настя даже не заглядывала, без сожаления расставшись с крахмальной салфеткой, отвыкая от ножа и вилки. Она, вообще, сильно одичала в компании Пятницы, легко перенимая его стиль жизни: есть – где хочется, спать – где хочется. В основном это хотелось на палубе, в тенечке. И лишь страшная ночь гнала Настю в каюту, на человеческое ложе.

Через две недели одиночества Настя стала невероятно болтлива, она почти все время что-то говорила, говорила сама с собой, с Пятницей, с мачтой, с ветром, с командой дальних кораблей, которые белыми облаками проплывали по самому краю горизонта. Пришло время и Анастасия догадалась, что одноименная шхуна болтается очень далеко от главных морских путей и тогда перестала надеяться на встречу с кораблями-облаками, гораздо мягче стали её напутственные слова команде удаляющегося «облака». И все реже она вглядывалась в искрящуюся голубую даль.

Подходил к концу «медовый месяц» одиночного плавания. Месяц тупого однообразия и тихого отчаяния. Тридцать дней невероятной скуки. Все прелести жизни, которые Настя успела открыть для себя на второй, самый счастливый день плавания были завалены стопудовой апатией. Она невероятно устала от корабельного образа жизни: тяжелый подъем с легкого похмелья в час дня, когда солнце уже подбирается к зениту. Затем кормление прожорливого Пятницы и одновременное кормление себя. Борьба со скукой, тоской, отчаянием забирает почти все силы и время. Не успевает Настя оглянуться по сторонам, как подходит время очередного кормления, а после него (так уж приучил Настю ленивый Пятница) – легкий релакс, там же, не отходя от обеденной зоны. Проснувшись через час-полтора, тупая и вялая Настя нечеловечески смотрит вдаль. Долго. Потом вздыхает печально. Вздыхает тоже долго... Так незаметно, за вздохами и вглядыванием вдаль подкрадывается ужин. После ужина еще немного поглядеть вдаль, пока небо не порозовеет от уставшего солнца. Не забыть тяжело вздохнуть в конце обзора и попрощаться на всякий случай с солнцем, небом, океаном. Дальше короткие приготовления ко сну: загнать в каюту Пятницу, отмерить успокоительную дозу рома и постараться прогнать ежевечерние мысли о том, что беда случится именно этой ночью. И хотя «Анастасия» уже целый месяц бороздила просторы ночного океана, избегая столкновения и не попадая в шторм, но для Насти 30-ая ночь была такая же последняя и страшная, как и первая. Все также с наступлением темноты пробуждались морские призраки, невидимые, но почти реальные. Каждую ночь они тихонько царапались в Настину дверь, толкали её, проверяя, не забыла ли теплая и живая девушка закрыть дверь на замок. И еле слышно стонали, то жалобно, то злобно, прося и требуя открыть.

Спасалась от них Настя проверенным «ромовым оберегом». Действовал он безотказно, но не устраняя причину страхов, а лишь временно притупляя слух и богатое воображение, которое по-своему толковало скрип разошедшегося дерева, хлопанье парусов, завывание ветра, шуршание серых крыс и трение воды о борт судна, всё то, что совершенно не пугало днем.

К рому Настя чувствовала все нарастающую привязанность, ощущения страшили и удивляли, но отказаться от рюмки на сон грядущий она не могла, по причине страха перед ночными монстрами. Но скоро к выдуманной опасности, живущей в больном воображении добавилась реальная – тень долгой и мучительной смерти от обезвоживания. Слишком поздно

поняла Настя, что пресная вода в море – это жизнь. Рукотворный дождь и неэкономное расходование воды в хозяйственных целях привели к тому, что парусник «Анастасия» мог превратиться в плавучую пустыню в сердце бескрайнего океана соленой воды. Человек и собака будут мучиться от жажды, высыхать изнутри, погибая медленно среди ясного дня, когда лазурная гладь искрится миллионами жизнерадостных зайчиков и так хочется радоваться и жить.

Настя представляла себе эту картину довольно ясно и грамотно. Владимир знал о море всё. Кое-чем успел поделиться с молодой женой. Одна из последних запоминающихся лекций была как раз на тему: «Как плохо в море без воды». Истории были ужасными, по большей части с трагическими финалами, которым предшествовали долгие, бесполезные мучения: люди, обезумев от жажды, пили кровь, морскую воду, мочу и все равно умирали, предварительно сойдя с ума. Некоторых, правда, спасали, и если высохшие, полубезумные скелеты не умирали по дороге домой – то жили бесконечно долго и до самой смерти страдали от подорванного здоровья и тяжелых воспоминаний.

Настя заранее не была готова страдать, сохнуть и сходить с ума. И даже умирать по дороге в порт она не была согласна. Она ещё как-то могла смириться с мыслью о быстром, внезапном конце под покровом ночи и под легким наркозом сна. Вариант с обезвоживанием ей совершенно не подходил. Но её несогласие и даже дикая вспышка ярости никак не меняла картины надвигающегося бедствия. Настя обшарила всю шхуну вдоль и поперек, заглядывала во все углы: кладовые, каюты, рубки, камбуз, трюмы. Все было перерыто самым тщательным образом и по десять раз. Но ничего нового, кроме единственного и последнего бочонка с пресной водой она не нашла. Анастасия готова была избить себя до крови, до переломов, до полусмерти за тот преступный пресный «дождь». И если бы только это могло вернуть ей те пять драгоценных бочонка – у Насти не дрогнула бы рука.

– Последний анкерок... последний... А что мы будем пить потом?!!

Ярость сменилась детской растерянностью, отчего Настя стала похожа на большую говорящую куклу с шелковыми волосами и большими изумленно-испуганными глазами. Кукла Настя капризничала, дула губки и не хотела пополнять список завяленных на солнце скелетов.

Но кукла-Настя была одна на судне – за жертву и за капитана. Поэтому она не позволила себе долго и бестолково раскисать и приказала перейти на режим строжайшей экономии воды. И без всяких слез.

С этого дня вода из последнего бочонка резко подскочила в цене: хозяйка шхуны отмеряла её как золото, по крупницам, совсем маленькими порциями, лишь бы отодвинуть приход первого страшного дня без воды. Она молилась на последний анкерок, прося его быть вечным источником воды, она берегла его от качки, от жары и даже от себя, все сокращая и сокращая дневную порцию.

Быстро портились дружеские отношения с Пятницей, он постоянно ходил с высунутым языком и часто-часто дышал. Было жарко, всем хотелось пить, но Настя не могла объяснить ему, что скоро станет ещё хуже, что и тот один стакан спасительной влаги скоро закончится. Пятница смотрел на свою хозяйку осуждающими глазами, прося, требуя прекратить наконец издевательства и налить полную миску воды. Но вместо этого Настя обливала его из брезентового ведра соленой водой, которая противно сохла, покрывая шерсть белым налетом. На себя Настя тоже лила морскую воду, но уже никакого удовольствия этот рукотворный соленый дождь ей не доставлял, она просто спасалась от приближающейся сухой смерти.

Воды в океане много, и Настя не жалея её (как месяц назад не жалела пресной воды) черпает из бездонного «колодца» уже третье ведро. Мокрая палуба блестит на солнце, зайчики прыгают по ней игриво и весело, но не могут отвлечь Настю от мрачного ожидания. Она тянет четвертое ведро и отправляется на поиски обозленного Пятницы. Мокрый подол липнет к ногам, мешая идти, но Настя не в том настроении, чтобы обнажаться. Азартные игры на

удовольствие её больше не интересуют. Весь интерес сконцентрировался вокруг последнего бочонка с жизнью.

Пятница глухо рычит и пытается избежать соленого купания. Умная собака не понимает зачем хозяйка по пять раз в день обливает его водой, но не дает пить!!! Умная и преданная собака страдает от жажды, не понимает и очень злится. Настя, не обращая внимания на предупреждающее рычание, окатывает Пятницу прохладной водой. Тот злится еще сильнее, но перестает дышать часто-часто, прячет обвисший язык за зубы и пить ему хочется чуть меньше.

Паруса, наполненные ветром, несут «Анастасию» по волнам, по неизвестному курсу, может быть навстречу штормам, пиратам и необитаемым островам... А может быть впереди её ждет мучительная смерть – оставшаяся вода в бочонке намекает на это с каждым днем все откровенней.

У Насти от страха пропал аппетит, она с удивлением кормит прожорливого Пятницу, который, ничего не подозревая, объедается на обреченной шхуне. Ей самой не лезет в горло ничего, кроме воды. Но один стакан в день «усох» уже до половины. Настя пыталась тянуть его в течение всего дня, но это было выше её сил, и чтобы не мучить себя, она выпивала весь дневной запас с утра и сразу же начинала ждать следующее утро, которое принесет временное облегчение пересохшему организму.

С Пятницей все было гораздо сложнее. Каждое утро Настя боролась с «черной» стороной своей души, та кричала открытым текстом: «Ты с ума сошла – полстакана воды ежедневно какой-то псине, которая даже не может оценить твоей жертвы! Из-за собаки ты сдохнешь гораздо раньше, может быть тебе не хватит именно этих 100 грамм, чтобы дожидаться помощи!» Но Настя упрямо сжимала зубы и, тихо плача сухими слезами, наливала «неблагодарной псине» спасительные 100 грамм воды. «Когда ты будешь сохнуть от жажды, как рыба на песке, ты вспомнишь про мои слова!» – стонала от страха и бессилия «черная» сторона души. А «светлая» – твердила одни и те же знакомые слова, которые кто-то шептал ей прямо в ухо: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Но каждый раз, после того как Настя с мясом отрывала от себя полстакана «священной» воды для собаки, Пятница разочаровывал её своим свинским поведением. Вылакав за одно мгновение всю дневную порцию, он тут же начинал требовать добавки. Измученный жаждой, он злился на Настю с каждым днем все сильнее и сильнее, хватал зубами за платье, рычал, не отпуская от миски, иногда пытался даже укусить. Умный пес не понимал, зачем хозяйка продолжает издеваться над ним уже 15 дней.

После того, как Пятница в «благодарность» за очередную жертву, укусил Настю за ногу, причем почти серьезно, до крови, она убежала от него в каюту, заперлась там и долго плакала от боли, отчаяния и от страха потерять последнего друга. Слезы текли рекой. Забыв, что воду надо беречь, Настя яростно выдавливала из обезвоженного тела последние запасы жидкости. Она умывалась слезами, она пила их, она захлебывалась ими. Все мужество вдруг оставило её, и она начала медленно и мучительно сходить с ума от ужаса – смерть, казалось, уже дышала ей в лицо – сухо и жарко.

А шхуна, тихонько покачиваясь на пологих волнах, баюкала ревущую от страха Настю. В иллюминаторе синело ласковое море, а в чистом небе катился огненный шар, разбрасывая искры по бирюзовым шелкам. На этом иллюзия торжества добра и красоты не заканчивалось: по стенам, потолку, полу и даже по самой Анастасии плавали зеркальные блики отраженной воды. В такой прелестной обстановке полагалось мечтать о чем-нибудь прекрасном, возвышенном. И если уж плакать, так только от несчастной любви.

Настя грубо нарушала морскую идилию резкими, уже судорожными всхлипами и безумными глазами, как у загнанной в угол крысы. Её дикие мысли ещё меньше гармонировали с атмосферой тихого праздника жизни: «Я утоплю его! Сейчас пойду и брошу его за борт! Все равно мы тут подохнем без воды... Сначала его, потом сама... Я с ним последней каплей делюсь, а он меня кусает!!! Сбесился, что ли?!»

У Насти от обиды с новой силой просится слеза, а мысли возвращаются к самому страшному – воды осталось на три дня, всего на три... «А там что??? Нас не спасут. Нет. Мы уже больше месяца киснем в этом чертовом океане, а я видела только четыре белых пятна где-то далеко за горизонтом. Или это вообще мне показалось».

Настя торопилась поскорее убедить себя в полной безнадежности положения, чтобы хоть как-то оправдать безвольное решение.

– Да, конечно, показалось! Тут никто не ходит, мы сбились с пути... И уж, если за целый месяц не было ни одного корабля – я не буду наивной дурой – наша песенка спета, – страшная догадка давно витала в воздухе, Настя успела привыкнуть к ней, а сейчас она подействовала, даже ободряющее. – Три дня все равно ничего не изменят. А значит... значит...

Настя быстро поднималась на палубу, забыв о покусанной ноге и о Пятнице. Она спешила в камбуз. Возле дверей камбуза дежурил Пятница, он сидел перед пустой миской в печальной позе ожидания: уши повисли на щеках, сухой розовый язык трясется от частого дыхания, и весь он такой жалкий и включенный. Увидев приближающуюся Настю, он словно ожил: вскочил, подобрал уши и сухой язык, завилял всем телом от радости и надежды. Он давно забыл о своей безобразной выходке, успел соскучиться по Насте, а кроме того он сильно надеялся, что злые шутки с водой уже закончились.

Тяжело было Насте проходить мимо «танцующего» Пятницы, она старалась не смотреть на него: но что решено – то решено!

Она прошла мимо, плотно закрыла за собой дверь камбуза, чтобы Пятница не смог подглядеть за ней. Но он чувствует предательство и тихо завывает под дверью. Не слушая ни его, ни слабого бормотания в защиту тех, кого приручили, Настя достает из-под стола последний бочонок с последними стаканами «жизни». От волнения у нее дрожат руки, жадно горят глаза и сухие губы. Она торопится в последний раз напоить себя досыта, хоть на время покинуть обжигающую пустыню и освежиться в призрачном оазисе. Ей так сильно хочется пить, что она чуть не ломает зубами стекло, припадая к источнику. Пока живительные струи льются в неё – Настя ничего не видит, не слышит, не боится. В эти счастливые минуты она радуется воде – источнику жизни!

Но вот вода закончилась, вся до последней капли... Теперь корабль настоящая плавучая пустыня без признаков оазиса. Теперь остается только ждать когда придет она – страшная, сухая, незаметная смерть. И Настя сейчас приблизила её приход ровно на три дня. Да ещё отобрала у Пятницы несколько часов жизни. В ушах шумело от ужасающего факта – воды больше нет!!! Воды больше нет!!!

Ну что ж – нет так нет... И Настя начала готовиться к ЕЁ приходу...

В дверь царапался обделенный Пятница. Настя не оставила ему ни глотка. Как ей смотреть в его глаза?

Он все также радостно встречал вышедшую из камбуза хозяйку, но сейчас его взгляды на пустую миску были красноречивее человеческой мольбы.

Настя снова прошла мимо, не останавливаясь, не отвечая на приветствия. Она шла на корму, в тень рулевой рубки, там, где они в старые и относительно добрые времена отдыхали после сытных «застольев».

За кормой тянулся длинный серебристый след, попутный ветер ровно дул в паруса, корабль куда-то торопился по своим делам, не обращая внимания на пассажиров, которым уже некуда спешить.

Настя больше не смотрела вдаль с надеждой и тоской, она смотрела тупо, без всякой надежды и отрешенно думала о том, какой же неудачный оказался этот «медовый месяц».

Посторонний шум на палубе отвлекал её внимание, что-то беспорядочно шумело и приближалось. Настя выглянула из-за угла рубки и от жалости у неё закололо в груди. Она хорошо понимала, что чувствует сейчас несчастная собака! Она сама недавно из-за этого невыносимого

чувства совершила подлость и последнюю ошибку. Она уже знала, что значит сохнуть изнутри! И ещё она знала, в отличие от Пятницы, что надеяться им не на что. Она смирилась и ждала того момента, когда станет совсем неспособна, чтобы легко, обезумевшим от страданий телом перевернуться через борт, в океан соленой воды. А бедное животное ни о чем таком не знало и даже не догадывалось. Пятница уже не злился, он плакал, он просил, он умолял закончить пытку. Грохотала пустая миска, которую он носом толкал впереди себя.

Невыносимо было смотреть на отчаянные, но совершенно бесполезные попытки Пятницы выпросить воды. А он все толкал и гремел пустой миской, пока не добрался до Насти. Потом уселся перед ней с таким просящим выражением собачьего лица, печально моргая, как будто прогоняя слезу, что у Насти что-то порвалось в груди от жалости, беспомощности, сострадания и бессильной ярости.

А Пятница просил и смотрел, смотрел и просил, как может смотреть умная собака, измученная жаждой. Он заглядывал Насте в глаза и удивлялся её недогадливости. Добрая, но глупая хозяйка не понимала. Тогда, для особо непонятливых, он лизнул горячим языком по сухой тарелке – яснее сказать он уже не мог.

Настя очнулась. Она поняла! Но не только то, что хотел сказать ей Пятница. Она поняла, что не может смотреть на мучения лучшего друга, с которым целый месяц жили душа в душу на заброшенном корабле, плечо к плечу в страшной ночи. Неизвестно откуда появились силы, и она легко, как пушинку, поднимает взрослого пса, в котором было больше 10 кило еще живого веса, и тащит к борту, чтоб прекратить его мучения. Пятница не злится, не вырывается, он доверчиво заглядывает ей в лицо, и в его глазах любовь и преданность. Он даже пытается лизнуть Настю в нос. Уже у самого борта ему это удастся. И Настя сразу же раскисает от прикосновения горячего влажного языка своего несчастного еще живого пса. Она валится на палубу без сил, сраженная нежностью любимого друга.

Общая беда стерла грань между человеком и собакой, сейчас на корабле мучились и страдали два живых существа. Они любили друг друга и хотели жить.

Пятница затих у Насти на коленях. Теперь он понял, что воду у них отнял какой-то невидимый жестокий враг. Это он мучает его и любимую хозяйку.

Настя гладила Пятницу по голове и казнила себя за очередную «слабость»:

– Я даже не могу тебя избавить от мучений... Я ничего не могу. Я купалась в пресной воде!!! Я сегодня выпила всю оставшуюся воду. И твою порцию тоже. Вот так. Теперь ты больше не будешь пить. И я тоже. Я во всем виновата, я обрекаю нас на страшную смерть! Но я даже не могу сделать её короткой и не такой мучительной... Прости меня, мой милый доверчивый Пятница, я не могу ничем нам помочь.

Собака слушала внимательно и лишь иногда тяжело вздыхала, как будто заранее соглашалась разделить с ней все приготовленные страдания.

Ещё не настало время обеда, а солнце кусалось голодным зверем. От удушливой жары болела голова и плыли перед глазами темные круги. Затылок припекало и Настя чувствовала все признаки приближающегося теплового удара.

«Анастасия» вошла в зону мертвого штиля: паруса вдруг безжизненно обвисли, пропал ветер и стало душно, словно корабль окутали воздухом непроницаемой пленкой.

Облизывая пересохшие губы, Настя переползла в тень. За ней полз верный Пятница. Но даже в тени не было спасения от нависшей духоты. Освежающий ветер куда-то исчез, шхуна качалась на волнах и никуда не плыла.

К полудню стало невыносимо, казалось, что раскаленная, дышащая жаром печь находится где-то рядом, она вытягивает из тела последнюю влагу и сжигает кислород.

На палубе валялись два распластанных, обезвоженных тела: Пятница лежал на боку, свесив сухой язык и часто, тяжело дышал; Настя лежала рядом, лицо ее было красное, обожженное, губы потрескались и просили пить.

Настя ослабела, она не хотела обливать себя и Пятницу водой из океана, она больше не хотела временных облегчений, она больше ничего не хотела, даже пить... Она торопила приход страшной сухой спасительницы.

Даже сквозь прикрытые веки Настя замечает, что стало темнее, как будто, нарушив установленный порядок, на море опустился вечер. Настя долго не решалась открыть глаза, боясь в очередной раз испытать тяжесть разочарования. «Белые облака» на далекой линии горизонта уже приучили её не особенно верить в чудеса. Она тянула время, обещая себе открыть глаза сразу же после цифры десять. Счет уже перевалил за тысячу, а Настя продолжала бороться с нерешительностью. Наконец, сказав твердое «раз, два, три», она открыла глаза.

На этот раз похоже действительно случилось чудо: обжигающее солнце спрятала серая пелена, такая плотная, что не пропускала сквозь себя ни одного ненавистного лучика. И хотя по-прежнему было душно, и застывший воздух плавился от жары – реальная надежда на спасение вернула Насте силы. Она ожила.

– Тучи! Тучи! Пятница, смотри – солнца нет, оно в тучах! Будет дождь, будет вода... будем жить! – тормошила Настя измученное животное.

Пятница вильнул в ответ хвостом два раза. Глаза его смотрели виновато, он как бы извинялся за такую вялую реакцию на радость хозяйки.

А Настя уже летала по палубе, собирая со всего корабля емкости для небесной воды. Скоро на палубе не осталось свободного места: чашки, тарелки, кастрюли, тазы, баки и просто расстеленный брезент были готовы к дождю.

Небо грозило, темнело, обнадеживало Настю, а к вечеру взяло да и расчистилось... Сначала сквозь тучи пробился один слабый луч предзакатного солнца, за ним второй, третий, четвертый. И вот уже розовый закат нежно подсвечивает ясное небо. В другое время Настя непременно залюбовалась бы полыхающими красными и переливающимися голубыми красками. Она любила смотреть на картины, которые рисовала сама природа, они были неподражаемы, они удивляли невыдуманной, искренней красотой.

Но в этот безоблачный вечер Настя была далека от получения эстетического удовольствия. Розово-голубая мазня вызывала у неё приступы звериной ярости. Девушка металась по палубе, пиная и разбрасывая не пригодившуюся тару, и проклинала все, что попадалось ей на пересохший язык. Она грозила кулаком ненавистному солнцу, гнала его прочь, ругала самыми последними словами и обещала сегодня же броситься в океан.

В самый неподходящий момент Пятница предпринял ещё одну попытку напомнить о себе. Он уже знал, что от Насти ничего не зависит, но ему очень хотелось пить... Отыскав среди разбросанных посуды свою, в которой раньше всегда была вода, он зажал её крепко в зубах и пошел к Насте. А в глазах все та же кричащая мольба. Он подошел к Насте со спины и легонько толкнул её чашкой в ногу. Настя пружинисто развернулась. На мгновение поток проклятий оборвался. А потом она злобно прорычала:

– Дай сюда! Дай сюда! Она тебе больше не пригодится!

И вырвала миску с такой силой, что чуть не свернула Пятнице шею.

– На, собака, получай! – это уже обращение к солнцу.

И вслед за словами в горячий диск летит собачья миска, пущенная с силой и скоростью снаряда. Но Настя, конечно же, не попала в цель. Не причинив никому вреда, посудина плюхнулась в воду и сразу же пошла ко дну.

Долго Настя ещё продолжала бесноваться, по достоинству оценив милый розыгрыш с дождем.

– Смешно! Можно умереть со смеху... Я, наверное, так и сделаю! И вообще, я не буду больше прятаться в душевой каюте, а завалюсь прямо здесь на палубе, как собака, среди пустых кастрюль и банок. Уж если пришла пора веселиться, так буду веселиться на полную катушку!

Кого стесняться?! Кого бояться?! Этих, что ли? – стонущих и шуршащих? Так я плевать на них хотела! Нате, берите – вот она я, зачем ждать ночи?! Ничего, я скоро сама стану одним из вас и тоже буду пугать трусливых пассажиров!

В яростном запале Настя смело бросала вызов сразу всем: солнцу, океану, морским призракам. Она избавилась от страхов и впервые, за несколько последних недель, почувствовала полное безразличие ко всем опасностям и ужасам этого мира.

Подтверждая свои слова действиями, она легла на расстеленный на палубе кусок брезента, который приготовила для сбора воды. Но по случаю отмены дождя можно было использовать его в качестве спального места. Что и было сделано довольно демонстративно. Так же демонстративно Настя отказалась от ежевечерней порции рома, без которого раньше даже и не пыталась встречать ночь. Казалось, что уже можно праздновать оглушительную победу над всеми страхами. Но...

На небе вспыхнула первая звезда. От моря потянуло прохладой, стало легче дышать. Сумерки понемногу сгущались, нагоняя тревожное ожидание чего-то. А над водою поднимался легкий, призрачный туман, как ненавязчивая декорация к зловещему спектаклю.

Гнетущая тишина полного штиля... И вдруг хлопок паруса. Он прозвучал пушечным выстрелом.

От испуга Настя тихо ойкнула и сразу же начала искать глазами виновника своего испуга. На «Анастасии» все паруса по-прежнему висели безжизненно, как белье на реях. Ветра не было и в помине – мертвый штиль.

И вдруг снова захлопали паруса, надуваемые попутным ветром.

Настя вскочила с брезентового ложа, кинулась к борту. И замерла, скованная ледяным ужасом... Прямо на неё мчалась двухмачтовая бригантина. Ветер дух в истрепанные паруса, оглушительно хлопая ими в зловещей тишине полного штиля. Настя перестала дышать, кожа покрылась противными холодными мурашками, а кровь всё отливала от кожи, до тех пор, пока Настя не стала блее парусов корабля-призрака.

Окутанный туманом, с погашенными корабельными огнями, «Летучий голландец» торопился в гости к Анастасии. На сгнившей палубе качались страшные тени в истлевших лохмотьях, а на мостике, приветствуя «Анастасию», печально улыбался капитан. В костлявых руках его зажата дымящаяся трубка...

Вцепившись бесчувственными пальцами в поручни фальшборта, Настя смотрела на приближающийся призрак безумными глазами, у неё мутился рассудок от беззубой улыбки курящего скитальца.

Ярдах в пяти жуткая бригантина повернула нос и в торжественной тишине продолжила свой путь в никуда. Настю обдало промозглым холодом из неживого прошлого, ее шхуна качнулась на пологих волнах, идущих от мертвой бригантины. Настин крик оборвался на вздохе, она страшно закатила глаза и упала в обморок.

Ключья рыхлого тумана поднимались от воды все выше и выше, намереваясь поглотить беззащитный кораблик, затерявшийся в серой мгле. Наконец, белый дым поднялся до палубы, перевалил через борт и оказался на судне единственным хозяином. Скоро сама Анастасия и одноименная шхуна утонули в густом влажном облаке.

Куда исчез «Летучий голландец» и был ли он вообще – на этот вопрос могло ответить только море. Но оно молчало, надежно пряча свои тайны по черным безднам, там, где покоились бесчисленные жертвы необузданной морской стихии.

Сознание вернулось к Нате довольно быстро – туман ещё не успел развеяться. И тем страшнее было возвращение в реальность. Обморок был не глубокий, память не пострадала, и Нате хватило секунды, чтобы вспомнить жуткий оскал истлевающего капитана. От тихого ужаса у неё зашевелились волосы на затылке, крик подступал к горлу, но она не могла кричать – челюсти сдавила судорога, язык не слушался и боялся нарушать затаившуюся тишину.

Туман сделал Настю почти слепой, она не видела где притаились гости с «Летучего голландца», поэтому они казались ей везде: за мачтой, за баком, за свернутым куском брезента. Они сидели на реях, свешивались гроздьями из «вороньего гнезда» и, конечно, прятались в её каюте. И ждали, ждали момента, чтобы наброситься, вцепиться зубами в её тело.

Настя бежала в капитанскую каюту – это было единственное надежное убежище, в котором она уже больше месяца спасалась от местных призраков. Сердце почти не билось, когда она шагнула в настороженную темноту каюты. Вариантов не было – если суждено сойти с ума – то пусть это произойдет «дома».

И только когда загорелась лампа, тускло осветив пустые углы, Настя смогла, наконец, вздохнуть – каюта, кажется, была пуста.

Но ужас притаился кругом, и свет лишь на короткое время ослепил ночных странников. Скоро они привыкнут к тусклому огню, и не боясь его, придут за Настей.

Однако, было у неё одно надежное, хорошо проверенное средство от местных призраков. К нему-то она и тянула сейчас свои трясущиеся руки. Дрожь сотрясала их с такой силой, что на столе образовалась большая лужа пролитого рома. Потом рюмка, наполненная до краев, билась о Настины зубы. Поймав момент относительного затишья, Настя глотает ром рюмка за рюмкой. «Лечебная» доза уже давно превышена, но ожидаемого эффекта не наблюдается. Крепкий спиртной напиток пасует перед гостями с «Летучего голландца».

Диким голосом Настя зовет Пятницу. Ученая собака не сразу отзывается – слишком страшно и незнакомо кричит любимая хозяйка.

Но вот мало-помалу доза, в два раза превышающая лечебную, начинает действовать: затихает дрожь, куда-то уходит судорога, расслабляются скрюченные руки, язык начинает шевелиться и говорить своим прежним, хотя уже изрядно пьяным голосом:

– Ха-а, ну что, съели, демоны? Я так просто не дамся. Не спешу вливаться в ваши стройные ряды...

Тут рюмка выпала из рук, Настя пошатнулась и наступила на неё. Раздался жалобный хруст и пьяная девушка лишилась «дозиметра».

– Ах ты, черт! не к ночи будь помянут, – смело ругнулась она и пошла блуждать по каюте в поисках другого измерительного сосуда, потому как пить прямо из горла нежная барышня ещё не научилась.

На туалетном столике, среди флаконов и разных парфюмерных пузырьков она обнаружила недопитый стакан чая из лучших времен. Он уже слегка зацвел и выглядел совсем не аппетитно, но выбирать тут не из чего. Настя сняла разноцветную плесень и позвала Пятницу:

– Пятница, друг, иди скорее ко мне! Я тут нашла тебе сто грамм...

Пес, захлебываясь, жадно глотал кислую золотистую жидкость. А Настя вдруг начала стремительно пьянеть. Выпитое количество рома чуть-чуть не дотягивало до самой, что ни на есть, смертельной дозы. Не отвлеклась бы она на поиски «дозиметра», то сейчас уже, наверняка, валялась в некрасивой позе, с пеной у рта. А так она отделалась всего лишь головокружительным полетом на пьяной карусели.

Слабый организм барышни реагировал чрезвычайно бурно. Так бурно, что Настя перестала верить в существование морских призраков и «Летучих голландцев». Более того, её собственное существование казалось под большим вопросом. Единственное, что она запомнила перед тем, как сесть на тошнотворную карусель – брошенная в дверь пустая бутылка, которая разбилась неестественно тихо, и свой голос, звучащий откуда-то издалека, через вату:

– Подумаешь, напугали... обтрепались все, бродяги... боюсь вас адски...

А потом она загорланила во всю пьяную глотку незнакомую песню из советского кинофильма:

– А нам все равно! А нам все равно... пусть боимся мы волка и сову!

Песня со словами на злобу дня, точнее, ночи, невероятно рассмешила девушку, только что сходявшую с ума от ужаса. Сразу же после этих слов, оказавшихся пророческими, бедной Насте стало действительно все равно. Ночь пролетела как одна короткая, но очень сумасшедшая секунда.

Когда Настя очнулась от пьяного угара, было светло и очень плохо. От ночных страхов не осталось и следа, если не считать «следов» по всей каюте. И судя по их расположению, Настю швыряло из стороны в сторону, как во время убийственного шторма.

Девушка из высшего общества лежала поперек кровати и громко стонала: голова трещала, как сухие дрова в печи, от солнечных бликов болели глаза, а во рту творилось что-то на редкость неприличное. И кроме того, сильно хотелось пить. Во много раз сильнее, чем за все последние сухие дни вместе взятые. Настя отдала бы и душу и тело за глоток воды. Но никто не предлагал ей столь выгодного обмена. Настя, наверное, выпила бы море, вот только не могла оторвать голову от подушки. Так и пролежала она до самого обеда, страдая от первого в своей жизни похмелья, а ещё больше от сознания того, что рома, как средства ухода от ночной и очень страшной действительности для нее больше не существует. Даже мимолетное воспоминание об этом напитке вызвало у страдающей невыносимые приступы дурноты.

От перегара в каюте невозможно дышать. Милая барышня из 19 века так испортила воздух, что глаза слезились не только у неё, но даже дворовый пес часто моргал и просился на свежий воздух.

Они вышли вместе – подышать перед смертью.

Небо снова повторяло вчерашнюю шутку с дождем, один в один: серая пелена затянула послеобеденное солнце, ветер стих и нестерпимая удушливая жара предвещала грозу.

Но во второй раз Настя не покупалась на лживые обещания. Она даже не обрадовалась свинцовым тучам, которые постепенно вытесняли серую пелену.

– Все равно к вечеру рассосется. Вчера, помнится, тоже грозилось. А чем закончилось?

Ей стало страшно при воспоминании о том, чем же закончился вчерашний день. Ещё страшнее было ждать нынешнего вечера без привычной пьяной защиты. И без всякой надежды.

– Зачем ждать? А, Пятница, как ты думаешь? Я, лично, не люблю страдать... А ты?

Пятница уныло молчал.

Не сильно рассчитывая на ответ, Настя, пользуясь своими неограниченными полномочиями, собралась сама решать судьбу Пятницы, а заодно и свою.

Вот только небо грозилось и хмурилось почти по-настоящему, во всяком случае, гораздо убедительней, чем в прошлый раз.

И Настя снова поверила небу и отложила расправу над собой и Пятницей до более подходящего момента. Опять со вчерашним энтузиазмом она расставляла тару для воды, опять жадно смотрела вверх и облизывала пересохшие губы. Казалось, вода должна пойти с минуты на минуту: Настя чувствовала как увлажняется воздух от первых, невидимых капель, рот сам открывался и ловил влажный воздух жадными глотками.

И вот, наконец, пошел настоящий дождь! Щедрыми каплями плюхался он в плоские, приготовленные Настей, барабанил по крышам палубных надстроек, врезался тонкими иглами в упругие воды потемневшей Атлантики и утолял жажду двух измученных существ – собаки и человека. От счастья Настя плачет, не останавливаясь, пьет и плачет. Теперь она знает цену пресной воде, теперь уж она запасет её в таких количествах, что лучше потопит корабль, чем пустит на палубу сухую смерть. Смерть от жажды им больше не грозит. Любая другая – пожалуйста, но эта долгая, мучительная, иссушающая – ни за что! И Пятница ожил, повеселел, он бегал от тарелки к чашке, от чашки к тазику и пил, пил, пил, громко лакая и урча от удовольствия.

На шхуне, где только что царило уныние и страх, праздновали День дождя!

Изрешеченная дождем, но ещё гладкая и спокойная поверхность океана, внезапно покрылась рябью. Это был первый звонок, объявляющий о скором начале грандиозного представления. Настя его не услышала. Она была всецело поглощена Праздником дождя.

Резкий шквалистый ветер вдруг истерично завыл в парусах, а за ним слабый, как бы пробный толчок в борт корабля. Шхуна качнулась и тут же гордо выпрямилась. Океан в ответ зловеще ухмыльнулся. И второй «звонок» замечен не был. А между тем подготовка к действию шла полным ходом. Ветер уже откровенно кричал о том, что скоро грянет буря.

Не обращая внимания на грозные предупреждения, Настя сливала дождевую воду в бочонки. Ничто не могло отвлечь её от этого чрезвычайно приятного и полезного занятия, даже третий «звонок» – начало опасной бортовой качки, когда волны уже зло били по кораблю огромной темно-синей лапой.

И вот приготовления закончились. Нептун дает сигнал к началу шторма. Настя должна заплатить ему дань за пользование «живой водой»: она украла у повелителя морей целых 2 бочонка дождевой воды, и это не считая тех литров, которые выпили они с Пятницей сразу же после начала осадков.

То, что цена за украденную воду будет достаточно высокой, Настя поняла очень скоро. Ветер крепчал, волны дыбились все выше и выше. После очередного полета с гребня волны вниз, в водяную пропасть, Настя напряженно ждала затихания шторма, ей казалось – вот он самый пик, самая кульминация шторма. Сильнее быть уже не может!

На самом деле это было всего лишь вступление. Нептун сегодня был в ударе, он хотел поразить девушку невероятной мощью, а потом обессиленную, измученную затащить в свое подводное царство. Настя пока только вяло и беспомощно отказывалась от приглашения пойти на дно. У неё не было ни опыта, ни знания, ни сил бороться со стихией, которая легко топила корабли, управляемыми отважными и опытными капитанами.

Судно шло бортом к волне и от каждого удара опасно кренилось на бок. Палуба была пуста, по ней гуляли волны, и лишь два драгоценных бочонка с дождевой водой были надежно спрятаны в камбузе под столом.

От бешеной качки Настя обезумела, штормовое море уже полностью заливало палубу с каждым ударом волны. Плохо соображающая девушка обхватила грот-мачту двумя руками и покорно приготовилась ждать последней волны.

Ветер уже не свистел, он яростно визжал в ушах, в снастях, в порванных парусах. Он мчался плотной стеной, врываясь в легкие. Настя задыхалась от его натиска, она не могла дышать. А ветер дул все сильнее, поднимая огромные свинцовые волны.

А потом «Анастасия» вдруг сильно накренилась на подветренный борт и замерла, глядя в пропасть. Ветер стих, потому что на его пути встала огромная волна, она нависла над кораблем, заслонив небо в страшных тучах. Настя смотрела на неё безумными глазами, не веря в то, что вода может быть так ужасна.

Волна нависла над кораблем, замерла, как бы примериваясь перед ударом, хищно сверкнула пена на её взъерошенном гребне... и пошла стремительно вниз. Шхуна содрогнулась от удара невиданной силы: трещала палуба, обшивка корпуса, лопались снасти, рвались паруса. Грохотала падающая с небес вода, которая в одно мгновение оторвала Настю от грот-мачты, сбила с ног и поволокла в океан. Настя захлебывалась, кашляла, кричала от страха и... звала Пятницу.

Маленький корабль бился в конвульсиях, пытаясь выжить в смертельной схватке с громадной волной, которая легко, словно шутя, опрокинула его на бок, как тоненький пруттик переломила грот-мачту с намокшими парусами и, не позволяя встать на киль, с яростной злобой прижимала к воде. Мачты лежали горизонтально, полоща изодранные паруса в кипя-

щей воде. В последнюю секунду Настя успела зацепиться за снасть обломленной грот-мачты и теперь висела над черной пропастью мокрая, оглушенная и полуживая.

Нептун настойчиво звал ее в гости, где всегда тихо, спокойно и темно. Так было внизу. А на поверхности свирепел безумный океан – упрямое суденышко не пошло на дно от первой же оплеухи, оно посмело бросить вызов демонам морей.

Следующая волна, посланная на корабль, была намного больше первой, той, что играючи опрокинула «Анастасию». Именно на эту волну Настя глядела с зачарованным ужасом. Она ждала от неё смерти, но продолжала, не моргая, не отводя глаз, смотреть как плавно поднимается водяная глыба, как вырастает в сплошную темную стену, сливаясь со свинцовыми тучами. Маленький кораблик провалился в темное ущелье, образовавшееся между двумя отвесными волнами, похожими на каменные утесы, страшные, неприступные, не знающие жалости. Наконец волна перестала расти, остановившись на высоте 8 метров. Смотреть на неё было жутко, не смотреть – невозможно. Её свирепая ярость и мощь завораживали, притягивали взгляд и подавляли всякое желание сопротивляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.